

Диана Рейдо

Между
гордостью и счастьем

Диана Рейдо

Между гордостью и счастьем

«Автор»

Рейдо Д.

Между гордостью и счастьем / Д. Рейдо — «Автор»,

Дерзкую и обаятельную Марибелл Брукс спасает от хулиганов бывший полицейский, ныне успешный автор детективов Холден Гроуд. Но детективщик сопротивляется возникшему между ними чувству. Ночь, проведённая вместе в загородном доме Холдена, делает ситуацию ещё хуже. Но всё меняется, когда в игру включается родной брат Холдена Уоррен, которого окружающие считают неудачником...

© Рейдо Д.

© Автор

Содержание

1	5
2	10
3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Диана Рейдо

Между гордостью и счастьем

1

Марибелл задумчиво барабанила пальцами по холодному пластиковому подоконнику.

– Итак, – спросила она себя, – каковы же наши планы на выходные?

Да. Она была для себя не самым лучшим собеседником. Вместо того, чтобы раскинуть перед собой радужные перспективы, Марибелл задумалась. Пришлось прикидывать варианты, рассматривать возможности, обдумывать вероятные идеи.

Марибелл открыла выдвижной ящик стола, и, порывшись в нем, извлекла на свет пухленький потрепанный еженедельник. Перелистала разлинованные странички. Ясности ей это не добавило.

Конечно, можно было наведаться в гости к Гарриет, может быть, даже остаться там с ночевкой. Разумеется, если при этом не будет дома Гарри. Марибелл могла только надеяться, что Гарри уедет на уик-энд к своей девушке, а своей сестре оставит в полное распоряжение квартиру, которую в обычные дни они делили на двоих.

Но – никаких гарантий, что Гарри уедет. А Марибелл хотелось бы гарантий. Хотелось немножко покоя после непростой рабочей недели, хотелось легкого девичьего трепа, возможно – просмотра очередной легкомысленной комедии с Хью Грантом. Гарри, конечно, отличный парень, но всю картину нежного и трепетного девичника он испортит, как пить дать.

Марибелл потянулась было к телефону, чтобы уточнить у подружки, удастся ли им провести вместе приятный вечер. Но ее рука на полпути повисла в воздухе.

Марибелл и сама не могла объяснить себе причин своей нерешительности. На самом же деле ее попросту замучила скука.

Ну, что, в конце концов, ее там ждет такого уж интересного? Пицца с доставкой на дом, чай, который Гарриет поленится заварить в чайнике, и Марибелл опять придется глотать напиток с привкусом бумажного пакетика? Ленивые сплетни о работе, жалобы на зарплату, и совсем чуть-чуть беседы об отсутствующих в жизни и Гарриет, и Марибелл мужчинах...

Марибелл последние несколько месяцев много работала. А до этого – рассталась с очередным бойфрендом по причине того, что тот уделял недостаточно внимания Марибелл. И не потому, что много работал. А потому, что любил пиво, вечерние посиделки с приятелями в барах, игру в покер и в кегли гораздо больше, чем саму Марибелл.

Марибелл справедливо полагала, что она заслуживает куда лучшего обращения...

Поэтому сумки бойфренда были аккуратно собраны и перенесены поближе к дверям, пока тот наслаждался очередной порцией пенного напитка в очередном пабе. К тому же Марибелл не была уверена, что эти увлекательные мужские сборища обходятся без знакомств с очаровательными крошками, может, даже и официантками – чтобы далеко не приходилось ходить.

Буквально не отходя от стойки паба. Марибелл прыснула со смеху. В общем-то, все эти воспоминания о бывшем бойфренде были уже не актуальны. Так, к слову пришлось...

Но вот новым кавалером Марибелл так и не успела обзавестись, хотя их расставанию с Тони уж скоро год будет. Причины были самыми прозаическими.

Сначала Марибелл хотелось немного передохнуть, подышать полной грудью воздухом свободы. Потом она поняла, что незанятые вечера и пустые уик-энды не способствуют укреплению ее душевного равновесия. Хотя она и не думала скучать по Тони, но... Она привыкла быть вместе с кем-то, и не привыкла быть одна...

Особенно теперь, когда почти все ее немногочисленные друзья и более многочисленные приятели обзавелись не то спутниками жизни, не то семьями... Серьезность своих намерений они пока не обозначали. Но Марибелл уже успела ощутить на себе неприятные последствия от создания новых союзов. Теперь друзья-приятели, а также нежные подружки чаще предпочитали компанию Марибелл семейному времяпрепровождению. Вроде те же самые выставки, бистро и театры, но уже вдвоем, а вписываться к кому-то третьей лишней Марибелл совсем не улыбалось.

Пожалуй, что единственной из приятельниц Марибелл не ангажированной кем-либо оставалась Гарриет... Но Марибелл наскучило однообразие времяпрепровождения с Гарриет.

Марибелл вздохнула, захлопнула сероватый еженедельник, засунула его поглубже в ящик письменного стола. Взяв в руки мобильный телефон, она пробежалась глазами по списку его контактов. Нет, никого, кому захотелось бы позвонить или написать, Марибелл в телефонной книжке не обнаружила.

«Что же это, – расстроено подумала она. – Два длинных дня я буду вынуждена провести в одиночестве?»

Вечер пятницы явно не задался.

Марибелл снова побарабанила пальцами по подоконнику.

Да, в расставании с Тони, конечно, были свои плюсы...

Обнаружив, что ее жизнь слегка опустела, Марибелл, чтобы заполнить образовавшуюся пустоту, стала уделять работе больше времени. Это весьма положительно сказалось на отношении начальства к ней, на прибавке к зарплате.

Прибавка тоже была кстати. Марибелл теперь была вынуждена в одиночку платить за съемную квартирку. Ей не хотелось искать кого-то, кого можно было бы подселить во вторую комнату, хоть это и облегчило бы существенно ее денежную ситуацию.

Нет. Марибелл считала, что жить надо либо с близким человеком (разумеется, мужчиной), либо с собственной семьей (что было невыполнимо). А уж если не получается ни то, ни другое, жить надо самостоятельно. Пусть даже по вечерам немного скучно, а по ночам чуть-чуть одиноко.

Но поселять у себя на постоянное местожительство подружек или закадычных приятелей – нет уж, увольте. Переполоха и переворачивания дома вверх дном Марибелл не хотелось. Принять гостей – пожалуйста. Приютить кого-то на пару ночей или даже на неделю – пожалуйста. Но жить с кем-то, кто не является твоим постоянным партнером – это лишнее.

Марибелл слезла с подоконника и вялой походкой прошествовала на кухню. Там она щелкнула кнопкой электрического чайника. Пожалуй, она заварит себе какого-нибудь редкого и душистого чая, из тех, что не расходуются ею при каждом удобном случае, а сберегаются для особых моментов.

В текущем моменте не было ничего особенного. Просто Марибелл хотелось тепла, приятной компании. Что ж, видимо, тепло ей подарит сегодня лишь пар, поднимающийся от большой керамической чашки, расписанной желтыми и синими лепестками календулы, а приятную компанию составит увесистая шоколадка с орехами.

Ожидая, пока заварится чай, Марибелл еще раз, уже без всякой надежды, пробежала глазами телефонную книжку. Ничего не изменилось за последние десять минут; она по-прежнему не находила никого, кому захотелось бы позвонить, кого хотелось бы услышать по-настоящему... Тогда Марибелл положила перед собой листочек бумаги и решила записать варианты одинокого времяпрепровождения в предстоящий уик-энд.

Список получился не длинным, но и не коротким – в самый раз. Вот только почти везде, чуть ли не в каждом варианте, по мнению Марибелл, ей потребовался бы компаньон.

Она вздохнула и один за другим вычеркнула из списка выставку бонсаев, концерт малоизвестной, но любимой ею фолк-группы, поход в боулинг, легкий необременительный шопинг,

лодочную прогулку. Из вариантов, не требующих компании, остались сидение в библиотеке, просмотр фильма в кинотеатре, где отсутствуют места для поцелуев, и самостоятельное приготовление вишневого пирога с корицей.

Марибелл решительно вычеркнула из своего списка для уик-энда все пункты, кроме выпечки пирога. Она решила остаться дома и посвятить время себе, раз на ее время все равно больше никто не осмеливался претендовать.

Была только одна загвоздка – с кем ей разделить свежий, аппетитный, дымящийся пирог с кусочками вишневых ягод, если таковой все же будет испечен?..

Марибелл решительно поднялась со своего места и направилась в ванную комнату. Там она заткнула сливное отверстие ванны затычкой, высыпала в ванну больше половины пакета морской соли с ароматом лаванды и пачули. Как следует порывшись в шкафчике, она добавила в набирающуюся воду еще и ароматический растворяющийся в воде шарик с экстрактом орхидеи, и несколько капель ароматического масла розы.

Вопреки опасениям Марибелл и не самым радужным ожиданиям, получилось очень даже неплохо. Марибелл дождалась, пока уровень воды поднимется, по крайней мере, до середины ванны, скинула джинсы и клетчатую рубашку, и, освободив тело от белья, осторожно попробовала ногой воду.

– Ой!

Вода оказалась слишком горячей. Марибелл судорожно открутила кран с холодной водой. Так недолго было и свариться до красноты рака, подаваемого к пиву в каком-нибудь из английских пабов.

Дождавшись нужной температуры, Марибелл с прежними предосторожностями погрузилась в ароматную воду. С наслаждением закрыв глаза, она подумала: «Ничего не хочу видеть, никого не хочу слышать, ни о ком не хочу думать...»

Но мысли в голове все-таки роились. Тело Марибелл наслаждалось ванной красоты, а ум перебирал возможные варианты дальнейшего ухода за собой.

В результате размышлений Марибелл не ограничилась просто принятием ванны. Она сделала маску для лица на основе каолина, как следует потерла розовые пяточки пемзой, а тело – душистым скрабом с ройбушем. Вылезши из ванны и замотавшись в два махровых полотенца, Марибелл собственноручно сделала маникюр, педикюр и с содроганием сердца принялась за эпиляцию.

Ей хотелось почувствовать себя героиней какого-нибудь фильма о богатых и знаменитых. Множество спа-салонов, открывшихся не только по всей Англии, но и по всему миру, были практически недоступны для Марибелл. А ведь ей так хотелось почувствовать себя одной из звезд, для которых посещения подобных заведений были в порядке вещей.

Теперь Марибелл это почти удалось, с той лишь разницей, что все полезные и приятные процедуры по преобразению собственной внешности ей приходилось выполнять самой... .

Закончив косметические работы, Марибелл устроилась на небольшой кухоньке с чашкой мятного чая, закутанная в широкий банный халат и тюрбан из полотенца на волосах. Волосы источали аромат орхидеи.

«Ну, – сердито подумала про себя Марибелл, – и для кого такая красота? Вечер все равно придется провести в одиночестве. Вечер пятницы... и ночь перед уик-эндом. Хочется ведь романтики, шампанского и свечей. Глупость какая! Где я сейчас их возьму? А даже если и найду. Что ж с того? Я тут одна... Звонить Тони?.. Очередная глупость! Ехать к Гарриет? Но там меня ждут лишь привычная пицца и не менее привычная порция сериалов по телевизору. Куда же мне деваться?»

Марибелл в несколько глотков допила остывший чай. Расслабившееся в горячей ванной тело, размассированное душистым скрабом, вопреки ожидаемому, не просило покоя, не стремилось в постель... . Может быть, она добавила слишком много тонизирующего масла в воду?

Что ж, раз спать не хотелось, то нужно было хотя бы высушить голову. Марибелл стянула с головы полотенце, прошла в ванную, небрежно бросила его на полотенцесушитель, после чего вооружилась феном и щеткой. Ее светлые прямые волосы сегодня почему-то капризничали, укладывались то игривыми волнами, то вихрастыми локонами.

– Ну что за безобразие? – произнесла Марибелл вслух. Если бы она собиралась на прием, презентацию или, чем черт не шутит, даже на свидание, такой вариант укладки пришелся бы как нельзя кстати. Но... Но зачем при свидании с подушкой дерзкие локоны и светлый блеск волос?

Марибелл уставилась на себя в зеркало. Упрямый взгляд ее темно-синих глаз, опущенных неожиданно темными ресницами, задавал вполне резонный вопрос: а что мешает отправиться куда-нибудь на поиски приключений, вместо того, чтобы послушно соблюдать режим и сопеть носом под одеялом уже в начале двенадцатого ночи?..

Марибелл босиком прошлепала в спальню. Из небольшого платяного шкафа (его несомненным плюсом было на удивление большое вытянутое зеркало на дверце) она вытянула черное платье из джерси.

Ведь она сильно похудела за последние несколько месяцев. Это ли не шанс надеть некогда любимое платье и покрасоваться в нем на людях?

К тому же к нему можно надеть новые красные туфли на высоком устойчивом каблуке, а под мышку взять красный клатч с золотой пряжкой. Тонкая золотая цепочка с прозрачной каплей-подвеской (лунный камень) завершит образ вдумчивой, но яркой и соблазнительной девушки, решившей побаловать себя вечерней пятничной прогулкой.

Когда по завершении всех сборов Марибелл глянула на часы, то она охнула. Часы показывали начало первого ночи.

Вообще-то было поздновато куда-либо идти. По крайней мере, без надежного спутника. Не сказать, чтобы ночью в городе было очень уж опасно прогуливаться в одиночестве... Но к чему лишний риск?

Марибелл вздохнула. В принципе, она была благоразумной девушкой... У которой, к несчастью, не было денег на такси. И наряд которой отчаянно кричал о том, что его просто необходимо выгулять на свежем воздухе, подальше от скучного телевизора и дежурной шоколадки, поближе к восхищенным мужским взглядам.

Марибелл решила, что в таком виде она вполне может прогуляться до ближайшего паба. Пропустить там кружечку-другую имбирного эля или даже пива – в этом нет ничего зазорного.

Кроме того!.. Кроме того, ничто ведь не мешает Марибелл все-таки позвонить Гарриет и предложить ей присоединиться к коротанию вечера в пабе. Глядишь, завяжут какие-нибудь интересные знакомства, а если нет – то просто потанцуют...

Здравый смысл возопил о том, что Гарриет наверняка сейчас уже видит седьмой сон. Будет невежливо ее будить. Не говоря уже о том, что Гарриет не такая сумасшедшая девица, чтобы, покинув теплую постель посередине ночи, стянуть с себя ночную рубашку, одеться, вызвать такси и явиться по озвученному подругой адресу.

– Но ведь я могу позвонить ей из паба, – вслух произнесла Марибелл. Да, идея показалась ей весьма удачной. Тогда Гарриет просто не сможет покинуть свою подругу в беде... то есть, конечно же, в пабе. Она непременно приедет, чтобы Марибелл не пришлось тосковать за стойкой в одиночестве.

В конце концов, на то и друзья, чтобы звонить им когда заблагорассудится (если, конечно, это не пять утра...). Если друзья не хотят, чтобы им названивали ночью, то они могут выключить телефон. А если не выключили, то наверняка ожидают какого-нибудь симпатичного приглашения, которое поможет им скрасить вечер пятницы. К тому же завтра никому не надо на работу, в надоевший офис.

Рассуждения Марибелл казались ей самой очень здоровыми и логичными...

Решено. Сейчас Марибелл дойдет до ближайшего паба... «Желтый орел» вполне подойдет. К тому же до него легко добраться. Если держаться освещенных улиц, то ничего плохого с ней не случится. (Марибелл старательно избегала мыслей о своем внешнем виде – короткое коктейльное платье, высокий каблук, вечерняя сумочка – и о том, какие мысли может вызвать этот внешний вид у случайных и не очень случайных прохожих...)

Итак, она без приключений доберется до ближайшего паба, оттуда позвонит Гарриет и велит ей приезжать. А когда они соберутся вместе, то наверняка придумают, как разнообразить программу предстоящего вечера.

Марибелл весело подмигнула себе в зеркале и потянулась за глянцевой помадой для губ.

2

Идти было неудобно. Марибелл сдуру выбрала маршрут, который пролегал через мостовую, мощеную круглыми булыжниками. Марибелл упорно не желала идти по обочине мостовой, где поверхность худо-бедно была ровной. Если бы каблуки могли плакать, они наверняка обливались бы горячими слезами, видя такое отношение хозяйки к ним. Марибелл упорно вышагивала по булыжникам, время от времени поскользываясь. Лишь чудом она не подворачивала ноги.

Ее походка наверняка выглядела очень соблазнительной со стороны. Ночь выдалась теплой, Марибелл не стала накидывать пончо или хотя бы брать с собой палантин. Она гнала от себя мысли о том, как может выглядеть в глазах прохожих, хотя, если бы нашла в себе силы признать очевидное, то честно сказала бы себе: от вида девушки по вызову ее отличает лишь то, что макияж не слишком яркий, не очень вызывающий. А длина платья все-таки вписывается в рамки приличия.

Но в целом наряд Марибелл, учитывая ее стройную фигуру и хорошие внешние данные, мог наводить на мысли о том, что это девушка из хорошего общества, которая по недоразумению оказалась не в самом престижном районе без средства передвижения и без надежного спутника.

Марибелл наконец преодолела преграду в виде булыжной мостовой, и добралась до обычного асфальта. Застучав по нему каблуками, она наконец-то вздохнула свободно. До знакомого паба ей оставалось пройти всего пол квартала, не больше.

«Если срезать через вон тот переулок, – мелькнуло в голове у Марибелл, – то я окажусь в нужном месте гораздо быстрее. Кажется, там не горит фонарь... Ничего, зато свет падает с соседней улицы».

Марибелл зря понадеялась на обманчивое спокойствие вечера и фонари, невозмутимо светящие в переулок с граничащей с ним улицы. Они не достигали середины переулка. Минував самый темный участок переулка, Марибелл выдохнула с облегчением. Кажется, и тут все оказалось довольно спокойно...

Девушка рано радовалась.

Два силуэта нарисовались прямо перед ней, когда до улицы оставалось всего несколько шагов. Марибелл видела только силуэты, потому что фонари с улицы светили им в спину.

– Ну, и что тут у нас? – произнес голос таинственно.

По крайней мере, Марибелл показалось, что голос был таинственным. На самом деле ничего таинственного в голосе подростка, мулата-переростка, не было, и быть не могло.

Второй парень, не такой рослый, при этом худощавый настолько, что с него постоянно пытались упасть широкие рэперские штаны, произнес, сплевывая через каждое второе слово:

– Ну, и что такая крошка делает одна ночью в городе?

– Я спешу, – сказала Марибелл, – мне надо пройти.

– Что, Дик, – повернулся рэпер к переростку, – дадим дамочке пройти?

– Неа, – мулат отрицательно покачал головой.

– Почему вы меня не пропускаете? – спросила Марибелл. Ей все еще не было страшно. Так, слегка не по себе, и только...

– Давай вместе прикинем. Вот ты ходишь одна, такая красивая, в короткой юбке. А ведь любая сволочь обидеть может.

– Может, – сочувственно вздохнул рэпер.

– Что вам от меня нужно? – напряженно спросила Марибелл.

– Да ты не дергайся, сестричка. Сейчас мы тебя проводим... Здесь недалеко.

– Недалеко? Что недалеко? О чем вы говорите?

– Хата у нас тут неподалеку, – пояснил рэпер. – Переночуешь, не ходит же тебе по улицам до рассвета. Травки с нами покуришь, у нас есть немного. Для такой лапочки не жалко.

– Мне... Меня ждут друзья, – пробормотала Марибелл, – они уже должны выйти мне навстречу.

– Но мы нашли тебя раньше, – засмеялся мулат. – Значит, друзьям не повезло... Да ты не переживай. Чем мы хуже твоих друзей? С нами тебя в этом районе никто не обидит. Пойдем, заночуешь, покурим. Ну и расплатишься соответственно... Верно, Фрай?

– Верно. Раз мы девочку защищаем, то уже не мы ей должны платить, а она нам. Но мы не худший вариант, тебе понравится. Как зовут?

– Прекратите, – нервничая, сказала Марибелл. – Оставьте меня в покое. Я не проститутка, вы приняли меня не за ту. Дайте пройти.

Дик разочарованно вздохнул:

– Не понимает...

– Не понимает, – подтвердил Фрай.

– Мы к ней с добром, а она... Мы ведь можем и силой отвести. Хуже будет, вот только зачем?

– Можем и рот закрыть, под руки отвести.

– Зачем рот закрывать? Оглушить, очнется уже на месте... Оно и к лучшему: дергаться не будет.

– Может, и деньги есть... А то бедно у нас, гостью толком и угостить нечем...

– Я буду кричать! – очень своевременно предупредила Марибелл.

Где-то за спиной у них проехала машина... За чьими-то окнами играл приемник, и звучали заунывно тянущие мелодию голоса. Марибелл отчаянно хотелось оказаться на улице, поближе к людям, к полицейским, на худой конец, к какому-нибудь круглосуточному магазинчику, где есть покупатели...

Она уже не просто ругала себя за желание сэкономить на такси. Она проклинала саму идею отправиться в таком виде, одной, без сопровождающих, ночью в город, и саму мысль срезать путь через неосвещенный переулок.

Что эти двое несовершеннолетних дегенератов могут с ней сделать? Да все, что угодно. И никто даже не будет знать, куда она отправилась на ночь глядя... Ведь она даже не позвонила Гарриет.

Эх, выпутаться бы как-то из этой переделки невредимой, и уж впредь она будет куда более внимательна к вопросам собственной безопасности! Может быть, даже запишется в секцию какой-нибудь капозэйры...

Однако нужно прежде всего отделаться от этих парней, а уже потом можно будет размышлять о способах самозащиты.

Мысли Марибелл были очень своевременны. Один из парней уже начал вырывать из ее рук клатч, а второй попытался прижать к стене.

– Руки за голову, и оба отошли к стене, тихо и быстро.

От этого ледяного голоса, который прозвучал у них за спиной, подпрыгнули не только хулиганы, но и сама Марибелл.

С облегчением она обернулась в сторону внезапного спасителя, одновременно отодвигаясь подальше от парней. Теперь их лица излучали не наглость и апломб, а страх и неуверенность. Мулат даже слегка побледнел. Марибелл мысленно фыркнула.

– Да ладно тебе, шеф, эта проститутка сама к нам привязалась, одолжила «дури», а теперь не хочет платить...

– Неправда! – возмущенно воскликнула Марибелл. – Вы хотели на меня напасть и изнасиловать!

– Молчи, сучка!

– Молчите вы оба, – велел голос, в котором льда, пожалуй, даже добавилось по сравнению с первой произнесенной им фразой. – Леди, вы в порядке?

– Да, я в полном порядке, – со вздохом облегчения выговорила Марибелл.

– Они что-то забрали у вас?

– О, нет, они не успели.

– Валите отсюда, быстро, – велел неожиданный спаситель. – Еще раз увижу вас в этом районе – так легко у меня не отделаетесь. Ты, обезьяна, не потеряй свои штаны, ходячее недоумение. Брысь отсюда, живо!

Растеряв по дороге последние остатки чувства собственного достоинства, парни рванули из переулка на освещенную улицу с топотом и руганью.

Марибелл развернулась к незнакомцу. Она сделала это как раз вовремя, чтобы увидеть: в его руке с тихим щелчком захлопнулся солидный увесистый нож.

Марибелл машинально ойкнула. Теперь она ждала подвоха со стороны спасителя. Так вот почему столь поспешно удирали посмевающие напасть на нее парни. При виде подобного оружия и у Марибелл душа ушла бы в пятки...

– Не надо бояться, – коротко сказал незнакомец. – Идем.

Марибелл послушно зашагала рядом с ним по переулку в ту сторону, откуда пришла. На ходу незнакомец говорил:

– Не слишком-то хотелось угрожать им оружием. Но, боюсь, что угроза драки с голыми кулаками не впечатлила бы их так, как демонстрация этого ножа. Для меня и четверо подобных субъектов – не противники в кулачном бою. Однако руки об них марать не хотелось. А так все довольны: я, вы, они...

– Они довольны? – возмущенно перебила Марибелл.

Незнакомец покосился на нее и хмыкнул:

– Ну, конечно, довольны. Что унесли ноги... и свои смешные спадающие штаны тоже. Легко отделались. Они это понимают. Можно было размазать их по стене. Однако теперь они вполне могут позвать на подмогу кого-нибудь из своих ребят... Это такая порода, они, как шакалы, сильны, пока сбиваются в стаи. Ничего общего со старым поколением крепких бандитов... Поэтому и не хотелось марать о них руки. Блеска стального лезвия у них перед глазами оказалось достаточно для того, чтобы они наложили в штаны от страха. Впрочем, неважно. Для вас все обошлось, и это главное.

– Спасибо, – пробормотала Марибелл. – Вы рисковали...

Он усмехнулся:

– Я ничем не рисковал. Говорю же, чтобы разогнать горстку подобных шакалов из джунглей современного города, не требуется особых усилий.

Что бы он ни говорил, Марибелл он казался героем. Она слушала его слова, как восхитительную, волнующую музыку. Особенно после грязи дворовых выражений, которую вылили на нее двое сбежавших мерзавцев.

– А вот вы рисковали, – продолжал он. – Как минимум деньгами и вещами, как максимум – здоровьем и... впрочем, не будем о грустном. Как же так получилось, что молодая и, несомненно, очаровательная девушка оказалась в одиночестве в темном переулке? Вы не похожи на искательницу случайных приключений.

Пока они говорили, они успели выйти на предыдущую улицу и подойти к большой широкой машине. Незнакомец распахнул перед ней дверцу:

– Садитесь, – велел он.

И тут Марибелл замялась...

– Да садитесь же, – нетерпеливо проговорил он. – Я отвезу вас домой, и вы забудете об этом вечере. Глупо меня бояться после того, как я выручил вас, согласитесь...

Марибелл нерешительно села в машину, одернула платье, стараясь подтащить его поближе к коленям. Но пристегиваться пока не решалась.

Обойдя автомобиль, незнакомец сел за руль и пристегнул ремень.

– Так как же вы очутились тут? – повторил он свой вопрос.

Марибелл вздохнула.

– Вы будете смеяться...

– Я уже смеюсь, – заверил он. – Вы совсем не похожи на глупую школьницу. И тем не менее разделились и потащились по значным местам города, словно вам не хватает острых ощущений в привычной жизни. Напоминает детский сад. Тем не менее, вы это сделали – вырядились, потолкались со шпаной в темном переулке. А теперь смущаетесь, как девочка. Одно с другим не вяжется.

Марибелл рассердилась:

– А вы-то, вы сами как оказались в этом темном переулке? – воскликнула она. – Может быть, мое маленькое приключение помешало вашим планам? Может быть, у вас там был назначен тайный сбор мафиози?

Он засмеялся, и смеялся он долго, с искренним удовольствием.

– Неплохо, маленькая леди, – отсмеявшись, произнес он. – Весьма неплохо! Я удовлетворяю ваше любопытство. Я привык быть внимательным. Я часто смотрю по сторонам. Переулок был плохо освещен, но случилось так (и вам в этом крупно повезло), что я повернул голову в его направлении как раз в тот момент, когда проезжал его. Увиденного мне хватило, чтобы остановить машину, выйти из нее и направиться в вашу сторону.

– Зачем?

– Как минимум для того, чтобы проверить: а все ли в порядке у сих законопослушных и добропорядочных граждан? Я, знаете ли, считаю, что лучше перебдеть, чем недобдеть. Иной раз лучше проявить немного внимания к ситуации, и кому-то не придется оплакивать очередной труп.

Марибелл поежилась.

– Вы правы, – покаянно согласилась она. – Еще раз спасибо, что выручили меня. Я в самом деле очень благодарна...

– А если вы и впрямь благодарны, – перебил он, – может быть, вы все-таки ответите, что забыли в столь неприглядном месте в столь неподходящий час?

«И в столь прелестном виде», – мысленно добавила Марибелл.

А вслух сказала:

– Дело в том, что я собиралась в ближайший паб с подругой... Мне очень не хотелось проводить вечер в одиночестве. Решила сократить дорогу, срезать путь через переулок.

– А в переулке вам чуть не срезали кошелек, – хмыкнул он.

Марибелл покаянно пожала плечами:

– Они не смогли бы сильно поживиться за мой счет... Не то что бы я сейчас на мели, но собиралась экономить за счет такси до паба.

– Прелестно, – засмеялся он. – Вполне в духе современных молодых женщин... таких уверенных в себе, таких самостоятельных. Поражает причина, по которой вы оказались в опасной ситуации. Ей-богу, могли бы изобрести более серьезный повод для того, чтобы находить на свою голову приключения. Вы всего лишь решили прогуляться до паба, но могли и не вернуться из этой прогулки.

Марибелл глубоко вздохнула. Кажется, она нарвалась на неприятные нравоучения...

Но, кажется, она это заслужила? – мелькнула нежданная мысль где-то в глубине сознания.

– Ладно, вот что... Как вас, кстати, зовут?

– Марибелл, – ответила она. Краска стыда, постепенно заливавшая лицо, все еще полыхала на ее щеках.

– Марибелл... Звонкое, яркое имя. Марибелл, а дальше как?

– Марибелл Брукс.

– Очень приятно. Рад, что слышу это от вас лично, а не читаю в полицейских сводках.

Марибелл возмущенно фыркнула:

– Неужели так необходимо при каждом удобном случае колоть мне глаза так и не случившимся со мной? Мистер... как вас там... Вы что, полицейский?

– Нет, – спокойно ответил он. – Я не полицейский. Но кое-что соображаю по этой части. И продолжаю, как вы выразились, «колоть вам глаза» лишь для того, чтобы вы осознали всю неосмотрительность своего поведения.

– Да я уже все осознала, – воскликнула Марибелл. – Я осознала, осознала!

– Вот и прекрасно, – улыбнулся он, – счастлив беседовать со столь сознательной леди.

Кстати, меня зовут Холден Гроуд.

– Очень приятно, – пробормотала Марибелл.

3

Машина бесшумно летела по ночным, хорошо освещенным улицам города.

Марибелл исподтишка разглядывала Холдена.

Достаточно волевой и жесткий профиль. Он вполне вязался с тем ледяным тоном, которым Холден разговаривал несколько минут назад в темном переулке. И уж, конечно, он слабо вязался с его улыбкой, с его смехом. Улыбка словно освещала его жестковатые черты, словно вырезанные из мрамора... если, конечно, мрамор бывает смуглым.

Глупые фантазии... Опять глупые фантазии. Из ряда тех фантазий, что заставили ее блуждать по ночным улицам и попадать в переплет. Хватит. Это надо бы оставить.

Но ей хотелось коснуться его темных, слегка выующихся волос, доходящих до ворота рубашки. Разумеется, только в благодарность. В благодарность за его помощь...

Как уверенно он держался в переулке! Что бы он ни говорил, Марибелл была уверена, что поступил Холден геройски. Выглядел он лет на тридцать... но вот властности, высокомерия и суровости в нем было, пожалуй, на двоих. Похоже, что он считает себя вправе командовать. И ожидает, что ему будут подчиняться... Что ж, наверное, это небезосновательно. Он уверен в собственных силах и в том, что говорит и делает правильные вещи...

Марибелл так увлеклась разглядыванием Холдена, что пропустила мимо ушей, как он снова заговорил с ней.

– Я спрашиваю, – терпеливо повторил он, – где вы живете?

– Эээ...

– И, кроме того, было бы неплохо позвонить вашей подруге, которая уже наверняка заждалась вас в баре. Вы ведь сильно задержались по дороге, не так ли?

– Дело в том, – смущенно призналась Марибелл, – что в баре меня никто не ждет.

– Час от часу не легче! Вы же сами сказали...

– Да, я помню, что я говорила. Но просто я планировала сначала добраться до паба, а уже оттуда позвонить ей и позвать приятно провести вечер.

– Вы удивительная девушка... – криво усмехнулся Холден.

Марибелл уже собиралась было расплыться в улыбке от удовольствия, как он коротко добавил:

– На удивление легкомысленная девушка. Как вы только дожили до своих лет... сколько вам там... семнадцать? Восемнадцать?

– Двадцать три! – возмущенно воскликнула Марибелл. – Не такая уж я и маленькая!

– Сотни женщин во всем мире расценили бы это, как высший комплимент, – засмеялся он. – Женщины ведь изо всех сил стремятся выглядеть младше, заявляют о своем возрасте, делая его меньше, чем он есть на самом деле.

– Не понимаю, какой в этом прок, – сердито возразила Марибелл. – Что за удовольствие стремиться выглядеть совсем юной девочкой? Зачем стесняться прожитых лет?

– Ну, положим, вам-то стесняться нечего. Вы еще, считай, и не жили совсем.

– По-вашему, двадцать три года – это мало?!

– Мало. Во всяком случае, не так уж и много. Самое начало жизни. Видно, что она вас мало трепала... Иначе вы не относились бы так легкомысленно к своему здоровью, имуществу и безопасности.

– Не стоит по одному поступку судить обо всей жизни человека, – Марибелл насупилась и приготовилась отвернуться.

– Возможно, вы и правы, – спокойно ответил он. – Возможно, этого действительно не стоит делать. Но жизнь зачастую требует от нас быстрых выводов и еще более быстрых решений на основе этих выводов.

– Что же у вас за жизнь такая? – все еще сердито спросила Марибелл. Она уже начала злиться на своего нечаянного спасителя. Чего доброго, сейчас еще начнет ее воспитывать. Читать лекцию о вреде наркотиков, о необходимости пользоваться контрацептивами, о том, что «мойте руки перед едой, и это убережет вас от десятков бед»...

Вместо пространного и развернутого ответа Холден пожал плечами:

– Обычная жизнь. Не хуже и не лучше других. Все как у людей. Всего понемногу... и сталкиваться приходилось с разным.

– Ясно... – протянула Марибелл.

– Так куда вас отвезти? Домой? К подруге? Мне, честно говоря, все равно.

Это неприятно царапнуло Марибелл. Кажется, он и всерьез ее не воспринимает...

– А почему я должна ехать домой или к подруге? – вызывающе спросила она. – Кажется, я не извещала о том, что мои планы на вечер изменились.

– В каком это смысле?

– В самом прямом. Я отправилась развлекаться... То есть хорошо провести вечер. Посидеть в каком-нибудь приятном месте. С чего я должна менять свое решение? Да, вечер был немного омрачен неприятным эпизодом. Но инцидент исчерпан... – Марибелл запнулась, а потом поправилась: – Благодаря вам этот досадный инцидент исчерпан. Так кто же сказал, что я не могу продолжить свой вояж?

– Вы неисправимы.

– О, да, вы совершенно правы. Будьте так добры, если вас не затруднит... Подбросьте меня до «Желтого орла». Мы, правда, уже успели прилично отъехать от него. Вы так уверенно рулили, куда вам вздумалось, что я ничего вам не сказала.

– «Желтый орел»? Чем вас так привлекла эта дыра?

– Почему дыра? – удивилась Марибелл.

– Да потому, что за последний год там накрывали не одного торговца наркотиками. Кроме того, в «Орле» часты драки. Драки подвыпивших посетителей, проходящих туда за крепким пивом, – пояснил он.

Темно-синие глаза Марибелл расширились.

– Наркотиками? – пробормотала она.

– Именно. Возможно, вас это не интересует, поэтому вы и не замечали там этого...

– За последний год я не появлялась там ни разу, – призналась она.

– Почему же?

– Была занята, очевидно. Дела, работа, попытки делать карьеру.

– Успешно? – поинтересовался Гроуд.

– С переменным успехом. Но это не имеет значения... В общем, я давно не показывалась в «Орле». Раньше это было довольно-таки славное, демократичное место с грубоватой мебелью, хорошим пивом и элем, а иногда и живой музыкой.

– Понятно. Что ж, значит, «Орел» сильно изменился с тех пор. Кроме того, там часто ищут пристанища девицы легкого поведения. Думаю, что подвыпивший народ не станет особо приглядываться к вашей манере вести себя. Они, знаете ли, не привередливые. Легко сочтут вас одной из таких девиц. Короткое платье, макияж, яркие туфли и распущенные волосы... И у вас опять будут проблемы.

«А вам-то какое дело?» – хотела было спросить Марибелл, но вовремя прикусила язык.

– Одним словом, в «Орле» я вас не повезу, – подытожил Холден Гроуд. – Не для того я вытаскивал вас из предыдущей передрыги. Будь вы мне безразличны – другое дело: ступайте на все четыре стороны и делайте, что хотите.

– А я что же, небезразлична вам? – с замиранием сердца спросила Марибелл.

Разговор принимал интересный и неожиданный оборот...

Холден недолго помолчал, а потом коротко ответил:

– Вы мне симпатичны.

– Вот как?

– Да, вы не похожи на одну из тех многочисленных девиц, пустоголовых и глупых, которые без цели шляются по этому городу, размалеванные и бездушные.

В его голосе прозвучала горечь. Впрочем, Марибелл это могло всего-навсего показаться.

– Вот только чересчур легкомысленны, – подмигнул Холден. И Марибелл сразу же подумала, что, конечно же, ей показалось...

– Значит, вы везете меня домой, – полувопросительно, полуутвердительно сказала она.

– Нет.

– Нет?..

– Нет. Ведь вы же туда не хотите. Вам до смерти хочется где-нибудь посидеть и чего-нибудь выпить. Вы же не успокоитесь, пока не получите желаемого?

– Я бы не стала формулировать подобным образом... – осторожно начала Марибелл.

– Нет, все именно так. И, поскольку я уже чувствую за вас какую-то ответственность, то отпустить гулять в одиночку не могу.

Марибелл растерялась:

– Но что же мы будем делать?

– Заедем в одну неплохую кофейню, – сообщил Холден.

– Кофейню? А что там можно выпить, кроме кофе?

Он вздохнул:

– Во-первых, много пить вредно. Алкоголь не лучшим образом...

– Я уже поняла, – бесцеремонно перебила Холдена Марибелл.

– Во-вторых, кофейня кофейне рознь. В разных заведениях и подают разное.

– Ладно, уговорили. Везите, куда вы там собирались.

– А вы решили сделать мне одолжение? – засмеялся Холден.

– Ой... Нет, конечно. Простите.

Опять он выставил ее недалеко и легкомысленной. Черт, ну что это такое? Не беседа, а диалоги на пороховой бочке. Никогда не знаешь, на что среагирует запал...

– Ничего, – легко ответил Холден. – Значит, решено. Едем. Здесь недалеко...

«Недалеко» оказалось в центре. Марибелл любила центр города за витиеватые фонари, за невысокие кованые ограды. Ей казалось, что в центре царит особая, не сравнимая ни с чем другим, атмосфера. Небольшие скверики за оградями, действующие в летнее время фонтаны, некоторые – даже с подсветкой. Брусчатка, по которой так звонко и славно выщелкивали крепкие каблучки. Вымытые до блеска витрины с сувенирами, нарядами, лакомствами.

Холден припарковался неподалеку от заведения с вывеской «Магнолия». Сама Марибелл ни о чем не разглядела бы этой вывески, поскольку не знала, что и где нужно высматривать, а название заведения было подчеркнуто весьма условным освещением, мягким, ненавязчивым.

«Наверное, это какой-нибудь тихий уголок для посвященных», – подумала Марибелл, и оказалась права.

Внутри царил приятный полумрак. По центру зала было расставлено несколько столиков. А по периметру зала находились небольшие ниши со столиками на двоих. Ниши были словно затоплены темнотой. Ее рассеивали лишь небольшие свечи, стоящие на столах. Холден провел Марибелл как раз в одну из таких ниш, подальше от входа.

Официант мгновенно зажег небольшую красную свечу, и ниша Холдена с Марибелл осветилась мягким дрожащим огоньком. Они словно оказались на их собственном, необитаемом личном острове. Окружающее пространство утонуло во мраке. Пляшущий огонек выхватывал из темноты то черты лица Холдена и его мимолетную улыбку, то краешек стола, то изысканную резьбу деревянных панелей, которыми было украшено внутреннее пространство ниши.

Официант принес им меню.

– Как же я буду заказывать, – весело спросила Марибелл, – я ведь ничего не разберу в этой темноте.

– Если хотите, можем пересесть за столик в центре зала, – ответил Холден.

– Нет-нет, мне и здесь очень нравится. Я буду читать при свете огня.

– Могу порекомендовать вам что-нибудь, – предложил Холден.

– Откуда вы знаете, что мне понравится? – поинтересовалась Марибелл.

– Я примерно представляю, что нравится девушкам вашего возраста.

– Вы очень самоуверенны.

– Спорим?

– Спорить? С вами? На что? – удивилась Марибелл.

Такое проявление со стороны Холдена было не только неожиданным, но и, на ее взгляд, совсем нетипичным для него.

– Неважно. Давайте я закажу для вас, а если вам вдруг по необъяснимой для меня причине не понравится, то сможете высказать мне свое «фи».

Марибелл развеселилась.

– Что с вами делать... заказывайте. Но меня поражает ваша уверенность, с которой вы пытаетесь решать за других.

– Решать?

– Да. Что им понравится или не понравится, почему они ведут себя так, как ведут...

Холден засмеялся:

– Неважно. Не забивайте себе голову. Итак...

К ним вновь подошел официант, держа наготове открытый блокнот и карандаш.

– Для девушки кофе по-венски, – начал перечисление Холден, при этом внимательно глядя на Марибелл. – Штрудель, вишневый, без мороженого. Легкий зеленый салат с брынзой и оливками. Ломтик холодной дичи.

– Это все?

– Пока все. Теперь для меня. Двойной ристретто, к нему восточные сладости – халва, фисташки в меду или что-нибудь в этом же роде. Ростбиф в томатном соусе.

Официант кивнул, быстро перечислил все заказанное вслух, растворился в зале.

– Ну, как? – поинтересовался Холден у Марибелл. – Я угадал с вашим заказом? Удалось угодить?

Та кивнула с непроницаемым видом:

– В целом неплохо. Удалось ли угодить, будет понятно, когда заказ уже принесут. Но вот кое-что вы все-таки упустили...

– И что же это?

– Не мешало бы освежиться каким-нибудь свежесжатым соком. Причем не банальным апельсиновым или яблочным, а экзотическим – из тропических фруктов, киви, личи, манго...

– Личи? Что это такое?

Довольная произведенным эффектом и тем, что ей удалось удивить Холдена, Марибелл ответила:

– Тоже один из довольно вкусных фруктов. Обычное дело.

– Как скажете.

– Видите, вы не всеильны. Не всегда можно понять, чего же человеку хочется на самом деле. Мыслите стереотипами?

– Все нет. Говорят, мне неплохо удается читать по лицам.

– Значит, вам не удалось раскусить меня до конца.

– Ума не приложу, почему.

– Что вы хотите этим сказать? – резко спросила Марибелл. – Уж не то ли, что я предска-
зую? Или, еще лучше, примитивна?

– Нет, что вы... Не обижайтесь. Я действительно встречал довольно много девочек, похожих на вас. Им всем нравится примерно одно и то же.

– Я, кажется, никакая не девочка, – сердито пробормотала Марибелл.

– Все в этом мире относительно. Мне вы и впрямь кажетесь девочками, мало что смыслящими в жизни. До поры, до времени... Или же этот штамп может сопровождать вас всю жизнь.

– Ну, знаете!..

Ему что, доставляет удовольствие над ней издеваться?

Марибелл даже несколько секунд раздумывала над тем, чтобы встать и уйти. Не дожидаться ни кофе, ни мяса, ни десерта. Еще чего не хватало, позволять так с собой обращаться!

Он примирительно коснулся ее руки. Марибелл вздрогнула от этого неожиданного прикосновения, от этой непрошеной ласки.

– Бросьте. На некоторые вещи не стоит обижаться, и уж тем более расстраиваться из-за них. Наслаждайтесь тем, что у вас есть, и тем, какая вы есть, своей юностью в том числе. Не обращайтесь внимания на болтовню старого ворчуна вроде меня.

Марибелл в изумлении вытаращилась на него.

– Старого?!

– Ну, я несколько преувеличил, да и сказал это в шутку... Надо же было вас как-то отвлечь...

– Простите, а сколько же вам лет?

– Тридцать пять, – коротко ответил Гроуд.

Надо же... Однако он выглядит моложе своих лет. Она ошиблась лет на пять. Почему же он считает себя старше своего возраста? Или и впрямь неудачно пошутил?

Ну, конечно же, это была нелепая шутка. Слишком молодой блеск глаз, слишком велик интерес ко всему происходящему, в том числе и с посторонними людьми...

Хотя его отрешенный вид, с которым он изрекает свои высокомерные сентенции, больше подходит не тридцатипятилетнему мужчине в расцвете сил. Можно подумать, они на уроке в колледже, и он выпрашивает у Марибелл, почему она плохо приготовила задание по английскому языку!

Бедные его дети, если они у него есть или когда-нибудь будут. Он же замучает их своим видением правильности, идеальности того, как им надлежит делать кучу вещей.

Возможно, ему стоит выпить, и тогда он разговорится? Чем черт не шутит, может, даже и развеселится.

Ах да, ведь он же за рулем. Тогда и она не будет пить из солидарности с ним. А заодно и на случай, чтобы не показаться ему еще легкомысленней и импульсивней, чем есть на самом деле.

И тут Марибелл внезапно догадалась, почему ее так задевают вполне невинные – да, да! – высказывания и замечания Холдена.

Он попросту понравился ей... Но ее он воспринимает как молоденькую, и, наверное, избалованную девочку. Легкомысленную, неглубокую, поверхностную, может быть, даже инфантильную.

Вот почему так царапает каждая его фраза относительно нее самой, Марибелл. Ведь совсем не такой хочется выглядеть в его глазах.

Марибелл надулась, как мышьяк на крупу. Она принялась маленькими глоточками отпить слишком горячий, только что принесенный для нее кофе по-венски.

– Нравится? – спросил Холден.

– Да, – коротко ответила она.

– Не хуже, чем подают в Вене. Вы когда-нибудь бывали в Вене?

Марибелл покачала головой:

– Нет, не была. Я за всю свою жизнь бывала только в Берлине (отец взял с собой в командировку), гостила в Шотландии, и летала в отпуск в Швецию. Пожалуй, на этом и все...

– Что же, вы так редко отдыхаете?

– Я плохо переношу жару, это раз. У моих родителей не было свободных денег на какие-то увеселительные поездки. А у меня больше денег уходит на съемную квартиру, чем откладывается на путешествия. И не к каждому отпуску удается скопить нужную сумму. Иногда отдыхаю, даже не выезжая из города.

– Это неправильно, – задумчиво сказал Холден.

– Ну, уж как есть. Вы-то наверняка путешествовали немало?

– Да, немало. Южная Африка, Хорватия, Нидерланды, Испания, Португалия, и так далее.

– А что вы делали в Южной Африке?

– Охотился.

– На кого, если не секрет?

– На львов в основном.

Марибелл широко открыла глаза:

– Зачем?

– Иногда я и сам задаюсь этим вопросом, – рассеянно произнес Холден. – Раньше я иначе относился к охоте. Был молодой и глупый.

– А теперь? – Марибелл лихорадочно размышляла, стоит ли упускать такую удачную возможность съязвить. Потом решила, что, пожалуй, не стоит. Возможно, ей удастся разговорить Холдена, и вечер по крайней мере не пройдет в скучной, безликой беседе...

– А теперь я пересмотрел свои взгляды. Стал с большим уважением относиться к жизни. И к человеческой жизни, и к жизни животных. В конце концов, зверушки не виноваты в том, что человек пытается за их счет удовлетворить свои амбиции.

– Вы думаете, это амбиции? – поинтересовалась Марибелл.

Холден пожал плечами:

– Амбиции, комплексы, нереализованная агрессия... Не так уж важна причина. Куда неприятней теперь для меня следствие, то есть охота и убийство.

– Может, вы состоите в Гринписе?

– Отнюдь. Вовсе не требуется вступать в какие-то официальные организации, чтобы придерживаться своей точки зрения и жить в соответствии со своим мировоззрением.

– Вот как. Но тогда, может быть, вы репортер, мистер Гроуд?

– Почему вы так решили, Марибелл?

К этому вопросу она не была готова и растерялась.

– Ну... – начала она, – вы, с одной стороны, говорите, как будто обзоры статей зачитываете... И потом, у вас активная гражданская позиция.

Холден засмеялся.

– Почему вы смеетесь? – она смутилась окончательно.

– Всегда приятно узнать о себе что-нибудь новое. Я думал, что в очередной раз услышу о том, какой я зануда, педант, чересчур правильный для хаоса этого безнадежного мира.

– Ну, так красиво я говорить не умею. Но вы персона и впрямь загадочная.

Он в очередной раз пожал плечами.

– Ничего загадочного, на мой взгляд... Да, словом и правда владею неплохо, по большинству жизненных вопросов у меня вполне четкая и сформировавшаяся позиция. Из этого не следует, что я обязательно должен оказаться репортером...

– А еще вы много где ездили, – напомнила Марибелл.

– Удивительная логика. Рад, что мне удастся не слишком переоценивать женщин.

Она вовремя заметила, что он смеется.

– Как салат? – вежливо спросил он.

– Замечательно. Как раз то, что приятно съесть в качестве легкого ужина.

Он снова смеялся:

– И потом не говорите мне, что я не угадал. Диета, не есть после шести, низкокалорийный йогурт?

– Обезжиренное мороженое, – сердито сказала Марибелл.

– Мороженое я попросил вообще не класть к штруделю.

– Да, я заметила.

Холден с широкой улыбкой заметил:

– Я сделал это не для того, чтобы уязвить вас или обделить удовольствием. Скорее, наоборот. Теперь я могу предложить вам замечательный десерт этой кофейни – самое натуральное в Англии мороженое, с кусочками фруктов и ягод. Вам понравится. Сколько шариков? Четыре? Пять?

– И каких же?

– Позвольте, я...

– ...сам закажу, – закончила за него Марибелл. – Ладно, валяйте, заказывайте.

Она мысленно ойкнула, а потом прикусила язык. В самом деле, почему она так робеет перед ним? Он не ее учитель грамматики в колледже.

Да, грамматика так же далека от темы сегодняшней беседы, как дежурный прогулочный пломбир в вафельном рожке – от этого роскошного холодного десерта. Мороженое медленно таяло в хрустальной креманке, а Марибелл наслаждалась вкусами на языке: банановый, карамельный, черничный, грушевый, и, наконец, просто ванильный с корицей.

Ее гастрономические изыски были прерваны вопросом Холдена:

– Марибелл, а вы чем занимаетесь? Помимо того, разумеется, что разгуливаете по ночному городу в шикарных платьях.

– А вы угадываете, – неожиданно для самой себя ответила она.

– Что ж... Вы сами напросились.

– Можете при этом рассуждать вслух, – не унималась Марибелл.

– Это несложно.

– Рассуждать вслух или угадать? – заинтересовалась она.

– Несложно и то, и другое. Итак. Ешьте мороженое, оно тает, здесь тепло...

– Не отвлекайтесь от дедуктивного процесса.

– Вы мыслите не слишком логически, но вам свойственно чувство прекрасного... Ощущается привычка прикидывать перспективу всего. А также внимание к деталям, мелким и не очень. Так, так... Пожалуй, вы – дизайнер, – объявил Холден.

Марибелл открыла рот, да так и осталась сидеть, не донеся до рта ложечку с банановым мороженым.

– Но как вы догадались? – глупо спросила она. – Наверное, я за время нашего общения успела ляпнуть это вслух, и сама не заметила...

– Могу объяснить подробно, если вам интересно.

– Давайте.

– О человеке можно многое рассказать, если понаблюдать за его манерой поведения, привычками, тем, как он держит себя, одет, как выглядит... Вы не вписались у меня ни в категорию светских львиц (слегка не хватило лоска), ни в категорию грубоватых рабочих девушек. Вы – офисный сотрудник, привыкший зарабатывать себе на жизнь скорее головой и интеллектом, чем руками. У вас относительно типичный кругозор... Почему я не отнес вас к техническим специалистам? Как я говорил раньше, у вас слегка хромает причинно-следственная связь. Для референта или другого административного работника вы слишком непостоянны, неусидчивы. Работа дизайнера все же предполагает некоторое разнообразие, которое вам на руку. Я что-нибудь пропустил?

– Вот разве что типичный кругозор, – пробормотала Марибелл, – не слишком ли это категорично?

Холден улыбнулся.

– Я с удовольствием бы разгромил вас в пух и прах и в этой небольшой дискуссии насчет культурных ценностей. Вряд ли бы у вас нашлось, чем удивить меня. Однако не в этот раз. Думаю, что нам пора.

– Пора, значит, пора. Тем более что я уже все съела.

– Хотите заказать еще что-нибудь? – он поднял брови.

– Как можно. Вы наверняка торопитесь. Не хочу вас задерживать.

– Не будьте язвой. Вам это не идет. Вы и сами должны это понимать. Что ж, надеюсь, вам понравился наш спонтанный ужин.

И вот тут наступил щекотливый момент. Марибелл понятия не имела, как ей следует поступить. Это не свидание, и Холден Гроуд вовсе не обязан платить за нее по счету. С другой стороны, она не напрашивалась на угощение. Он сам привез ее сюда, сам выбрал, что заказать для нее. Будет ли приличным предложить ему оплатить счет пополам? Но цены, цены... Марибелл мысленно вспомнила цифры, стоящие в меню напротив каждого блюда. Мысленно она застонала.

Впрочем, пока она стонала, Холден неуловимым движением извлек из кармана пиджака бумажник, вытащил оттуда несколько купюр и вложил их в услужливо принесенный официантом счет.

Марибелл оставалось только вздохнуть. Хорошо, что она не успела полезть за кошельком или кредиткой. Только выставила бы себя в глупом свете. К тому же... Сколько у нее там наличных, в кошельке? Да и на кредитке негусто. Если сейчас придется все-таки вызывать такси...

– Вы закончили? – спросил Холден, наблюдая за ней. – Если да, то идемте. Если вам нужна дамская комната, то это в конце зала и налево.

– Пожалуй, я сейчас вернусь, – пробормотала Марибелл, взяла в руки свой клатч и поспешно скрылась «в конце зала и налево».

Там она вымыла руки, слегка взбила руками волосы и полезла в сумочку за блеском, чтобы освежить макияж. Внезапно собственное отражение привлекло ее внимание. Она уставилась в зеркало.

Юная, светловолосая, растрепанная девчонка с отчаянными синими глазами, в черном коротком платье смотрела на нее оттуда. Щеки пылали, она выглядела взволнованной и смущенной.

Да, немудрено, что она произвела на Холдена именно такое впечатление. Как жаль, что иногда изнутри ощущаешь себя совсем другим, нежели выглядишь в глазах окружающих.

Ничего удивительного, что она не заинтересовала его по-настоящему. Марибелл задумалась. Ее стремительное воображение мгновенно нарисовало ей женщину, которая, по ее мнению, могла покорить Холдена: брюнетка, лет двадцати восьми или тридцати, бледнокожая, с пронзительными карими или зелеными глазами. В красном платье, в золотых украшениях. Впрочем, украшения и антураж тут были совсем не главным.

Главное было то, как эта брюнетка сама ощущает себя. Наверняка она властная, но тонкий психолог, умеет играть с мужчинами, и быть податливой, где это требуется... А где требуется – дразнить и ускользать. Не позволять себя читать, как хорошо знакомую книгу. Быть загадкой, быть непредсказуемой, не такой, как все. Иметь интересы, не имеющие ничего общего с интересами большинства. Например: магия Вуду, занятия ирландскими танцами, вязание крючком ковриков из шерсти австралийских меринсов.

Да все, что угодно.

Марибелл с тоской подумала, что, даже если она напялит на себя вызывающее красное платье, волосы перекрасит в цвет воронова крыла, а в глаза вставит изумрудные контактные линзы, это привлечет к ней Холдена лишь на первые десять минут.

Ну, хорошо, пятнадцать.

А дальше он будет с той же легкостью и невозмутимостью просчитывать все ее действия, угадывать все ее предпочтения. С полпинка. Зачем ему общаться с ней, если она не представляет для него никакого интереса?

А потом Марибелл подумала, что наверняка он уже ломает голову, куда она подевалась. Она поспешно убрала в сумочку блеск, так и не накрасив губы, и вышла из туалета.

Холден поднялся навстречу ей из-за столика. Приборы были уже убраны, со стола протерто, а свеча задута.

«Наверное, сам и задул, – подумала Марибелл. – Действительно, что ему эта свеча?»

А она долго будет помнить, как огонек этой восковой свечки красиво освещал его широкие брови, слегка раздувающиеся крылья носа, когда он проявлял нетерпение, приподнятый уголок губ, когда он словно нехотя улыбался.

Улыбался самому себе.

Вот глупость-то!

Разве хоть раз за сегодняшний вечер Холден Гроуд, этот таинственный, умный и неоднозначный незнакомец улыбнулся ей по-настоящему?

Ей, именно ей, Марибелл, а не подошедшему официанту, не своим собственным мыслям, забавным догадкам и верным выводам насчет характера своей случайной спутницы.

Конечно же, он не улыбался лично ей. Он слишком занят собой и своими нравственными принципами, чтобы обращать внимание на окружающих.

Марибелл накручивала себя, словно уже забыв о том, что несколько часов назад именно Холден, специально остановившись у темного переулочка, покинув теплую, комфортную и безопасную машину, выручил ее, вытащив из лап двоих озабоченных придурков.

Они молча, словно проглотив языки, вышли из кофейни и прошли к припаркованной невдалеке машине. Холден все так же молча открыл дверцу перед Марибелл. На этот раз она пристегнулась уже самостоятельно.

– Куда ехать? – уточнил он.

У Марибелл екнуло сердце.

Что Холден имеет в виду?

Куда ехать – к нему домой или к ней? Он предлагает ей выбрать самой?

Неужели этот вечер, который начался так странно, продолжился так неожиданно и забавно, может закончиться так безрассудно?..

– Марибелл, где вы живете? Куда вас везти? Говорите адрес, – нетерпеливо повторил Холден.

Вот дура...

Обретя дар речи, Марибелл неожиданно для самой себя назвала адрес подруги, которая жила в трех-четыре кварталах отсюда. Ей не хотелось оставаться одной сейчас. Ей не хотелось проводить остаток ночи наедине с собственными мыслями. О том, как Гарриет отреагирует на ее ночной визит, она даже и не подумала в этот момент...

Холден молча вел машину, уверенно и спокойно. Больше он ни о чем не спрашивал.

Молчала и Марибелл. Теперь для нее было совершенно очевидно то, что все, случившееся сегодня – лишь эпизод для Холдена Гроуда.

В чем-то забавный, в чем-то приятный. Но – лишь эпизод. Развлечение в его жизни, сопряженное с неожиданно возникшей возможностью пощекотать нервы и одновременно совершить доброе дело.

А раз так, то и говорить тут не о чем...

Холден заговорил с Марибелл только тогда, когда машина остановилась у дома Гарриет:

– Что ж, Марибелл, рад был с вами познакомиться.

– Спасибо, что выручили меня, – в очередной раз повторила Марибелл. – Я очень вам благодарна. Правда.

– Не стоит благодарности.

«Ну вот, – подумала Марибелл, – сейчас мы распрощаемся, он высадит меня из машины, и мы больше никогда не встретимся. Зачем это ему? Я его не заинтересовала. Я не такого полета птица, мы с ним не одного поля ягоды...»

– Но мы с вами еще не закончили, Марибелл, – широко улыбнувшись, неожиданно произнес Холден.

– В каком смысле?

– Вы же помните, что проспорили мне спор. И, кстати, не один.

– Как это не один? – удивленно произнесла она.

– Очень просто. Сперва я угадал с вашим заказом, и оказался прав, что он вам понравится. А потом не ошибся, определяя вашу профессию.

– Но мы же ни на что не спорили.

– Да, предмет пари не был обозначен, – согласился Холден. – Но из этого не следует, что я не попрошу небольшой компенсации за свою проницательность и интуицию.

Опять он смеется над ней...

– И чего же вы хотите, мистер Гроуд? – официально произнесла Марибелл.

– Немногого. Ваш номер телефона.

– Зачем он вам? Будете звонить долгими зимними ночами и замогильно молчать в трубку?

– Считайте, что шутка вам удалась. Нет, я просто позвоню вам.

– Поболтать о том, о сем?

– Можно и так. Но мне было бы приятней встретиться еще раз и пообщаться. Можно пройтись, можно выбраться в кино. Кстати, я сто лет не был в кино... А можно просто посидеть где-нибудь, съесть пломбир, выпить капучино. Что вы на это скажете, Марибелл?

– А почему вы этого хотите?

У Марибелл едва хватило соображения, чтобы не ляпнуть вслух что-то вроде «Вам так нравится надо мной издеваться, что вы готовы встретиться еще раз?»

Холден пожал плечами.

От обиды Марибелл прикусила губу.

– Черт его знает, – задумчиво произнес он. – Я не заглядываю так далеко, и не копаю так глубоко. Одним словом, не хотелось бы анализировать с пристрастием. Для меня ваше общество не было необременительным. Подобное явление нехарактерно при моем общении с молоденькими девушками вроде вас. Я отдохнул в вашей компании... Мне просто будет приятно еще раз увидеться с вами.

«А чего же ты ждала? Ничего удивительного, однако. Думала, он начнет говорить про пылкую страсть и неземной интерес к тебе? Ему просто забавно говорить с тобой и просчитывать твое поведение на десять шагов вперед. Не позволяй так с собой обращаться. Есть люди, которым ценно твое общество. Вспомни о них. Не говори ему свой телефон, не становись для него забавной игрушкой... Все равно невозможно что-то большее. Это же очевидно».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.